

BJØRN ANDREAS
BULL-HANSEN

JOMSVIKING

БЬЁРН АНДРЕАС
БУЛЛ-ХАНСЕН

ЙОМСВИКИНГ

ПЕРЕВОД С НОРВЕЖСКОГО:
ОЛЬГА ЕРМАКОВА,
ИРИНА ТАРАТОНКИНА

Москва
Издательство АСТ

Однажды мой отец сказал: свободный человек должен встречать каждый день без страха.

Так же надо встречать и смерть. Ведь норны уже обрезали нить твоей жизни в то мгновение, когда ты родился, и никому — ни мужчине, ни женщине — не дано прожить ни дня сверх отмеренного.

Мира, в котором я вырос, мира, в котором родились мои сыновья, больше нет. Древние королевства объаты огнем, а имена древних богов запрещено упоминать. Нить моей жизни скоро оборвется. Но прежде, чем дух покинет это немоющее старое тело, я расскажу о былом. Ибо есть у меня надежда, что пришедшие за нами поймут: мы не были просто чудовищами, мы не просто враждовали со справедливыми королями. У меня есть надежда, что нас запомнят благодаря тому, во имя чего мы жили и сражались.

В РАБСТВЕ

Мало я помню о своей жизни до плена. Но мне нравится думать, что это были счастливые годы. Я все еще помню те лесные тропинки и могу часами следовать за ними внутренним взором. Я могу остановиться у тиса, вдохнуть запах травы и разогретого болота. Я могу увидеть солнце за кронами деревьев, пробивающиеся сквозь них, отсвечивающие зеленым лучи. И так жарко, что чувствую тепло обнаженной кожей, пока пробираюсь сквозь подлесок. Голые ноги задевают стебли папоротника, я чувствую гладкость лука в руке и тяжесть колчана, бьющего по бедру. Захожу в густую рощу, здесь ступни погружаются во влажный мох, и я знаю, что в весеннее половодье сюда поднимается море, оставляя после себя водоросли, и ракушки, и крабов, закапывающихся в мох. И вот я уже у берега в самом конце залива, вижу, как на песок накатывают волны, а вверху, высоко в небе, парят чайки. Птицы висят неподвижно, будто их пригвоздили к небесному своду, но вот они бьют крыльями и устремляются в море или к лесу за моей спиной.

Здесь справа от меня расстилаются песчаные отмели, а неподалеку стоит отец с Ульфхамом. Седые волосы отца треплет ветер. Он, как всегда, немного клонится вбок, но в его жилистом теле еще достаточно силы, и я думаю: нет в мире ничего, что могло бы сокрушить его. Ульфхам лает, но по своему обыкновению не отходит от отца. Отец чуть заметно кивает мне, а затем наклоняется и подбирает ракушку. Я иду дальше по тропинке. Здесь она сворачивает и уводит меня к северной части залива. Я карабкаюсь по камням. Я еще мал, совсем ребенок, но ловок, руки и ноги мои крепки. Я перекидываю лук за плечо и без страха быстро поднимаюсь к вершине сопки, ведь я знаю, что отец наблюдает за мной, стоя на отмели. Он боится, что я расшибусь, ведь я остался у него один. Но мне надо доказать ему, что я могу, я не слабее его, ведь скоро сыновья бонда позовут меня в путь, так что отец должен знать, что я не посрамлю его.

На вершине сопки я смотрю на расстилающийся передо мной фьорд. Здесь наверху сложена пирамида из камней, в первые годы после распри отец должен был разводить здесь огонь всякий раз, как увидит боевой корабль. Он сторожил здесь каждую ночь. Я забираюсь под свод старого шалаша, прислоняюсь к стене и некоторое время смотрю на море. Пытаюсь проследить за линией между морем и небом. Она тоньше волоска и прямее клинка. Вот куда лежит мой путь. Туда, где встречаются небо с землей. По другую сторону океана, далеко на востоке, раскинулось островное королевство. Бьёрн, мой единственный брат, уплыл туда прошлым летом. В этом году наступит мой черед.

В шалаше я долго не задерживаюсь, вскакиваю на ноги, но теперь я бегу, и можжевельник царапает мне ноги и живот. Не помню, что на мне было тогда. Может, просто кусок ткани на бедрах. И вот я на северной стороне мыса, распутываю снасть, которую прикрутил к луку. На конце снасти привязан крючок, его я сделал из шипа. Я раздавливаю раковину улитки и насаживаю ее на крючок.

Я долго лежу на камне. Смотрю на себя в зеркале вод. На лицо падают длинные нечесанные волосы. Лицо еще округлое, в нем еще есть что-то детское, но скоро все будет по-другому. Я уже становлюсь похож на мужчину: лоб и скулы заострились, глазницы запади. Голубые глаза ярко выделяются на загорелом лице.

Иногда у моего крючка вертятся рыбки. Некоторые поднимаются к самой поверхности воды и пускают плавником рябь по зеркальной поверхности. Затем они вновь спускаются к крючку, но они мелкие, такими не наешься. Чтобы спугнуть их, я дергаю снасть, и они уплывают.

Многие годы я не мог вспомнить ничего другого, что происходило до того, как жизнь переменилась. Путь подростка к месту рыбалки. Отец, собирающий ракушки на отмели. Многие годы я хранил эти скудные воспоминания о том времени. Лишь несколько лет спустя я вернулся на тот полуостров, царство моего детства, прошел по прежним тропинкам, которые не заросли благодаря оленям и косулям, и восстановил шалаш, сложенный когда-то моим отцом. И воспоминания стали возвращаться ко мне.

Должно быть, я тогда заснул на том бараньем лбу. Когда я внезапно проснулся, вокруг было тихо-тихо.

Солнце все еще стояло высоко в небе, вряд ли я долго проспал. Помню, я повернулся и увидел, что наверху, у сторожки отца, стоит человек. На нем не было другой одежды, кроме потрепанных кожаных штанов, а тело было покрыто синими полосами. Вдруг он заметил меня. Полуобернулся, крикнул что-то на непонятном языке и побежал ко мне.

Помню, что попытался убежать. Вот я перескакиваю с камня на камень, спускаюсь к полосе прилива, падаю, разбиваю колено, задев морские желуди у воды, вскакиваю на ноги, оглядываюсь — теперь уже за мной гонятся трое, у одного в руках боевой топор. Двое других, полуголые, с рабскими ошейниками, прыгают с камня на камень; один из них воеет как собака. Вот они почти настигли меня, и я бросаюсь в воду. Но они уже рядом, хватают меня за волосы и утягивают под воду.

Должно быть, меня держали под водой, пока я не потерял сознание. Затем оттащили обратно, через мыс, вниз, к отмелям, где уже валялся труп Ульфхама со стрелой в груди. Его потом выкинули в море. Они пошли на южный мыс: впереди — воин с топором, за ним — два раба, тащивших меня.

Отец построил наш дом между прибрежных скал, мне казалось тогда, что он не хуже длинного дома бонда. Кто-то другой, наверное, поставил бы дом с подветренной стороны на мысу, но отец будто бы так и не смог сложить с себя обязанности сторожа. Он все время поглядывал на воды фьорда, ведь по опыту долгой жизни он знал, что враг всегда приходит оттуда. Но не в этот раз. Они напали на него внезапно, появившись из-за деревьев. Старый, потрепанный жизнью воин,

одинок стоявший на мысу,— на такого не стали тратить и одного удара меча.

Очнувшись, я обнаружил, что лежу на боку, а руки связаны сзади. Сначала я увидел тех троих: кто-то снимал вяленую рыбу, которую мы подвесили на сушильни, другой пробовал натянуть отцовский тисовый лук. Я извернулся и только тогда увидел отца. Он сидел прислонившись к стене, со стрелой в груди, и тяжело дышал. На бедре была глубокая рана, еще одна — на предплечье. Трясущиеся руки сложены на коленях. Когда я попытался встать, кто-то натянул веревку у меня на шее.

— На хуторе сказали, ты раньше сражался за ярла Хладира,— прозвучал голос позади меня. Я понял, что говорящий обращается к отцу.— Что ты делаешь здесь, в Вингульмёрке?

Отец не ответил.

— Это твой сын?

Отец поднял голову:

— Он еще молод. Оставьте ему жизнь.

Человек за моей спиной пролаял что-то своим рабам, те подошли и схватили меня за руки. Затем он заговорил с другими своими людьми, по-прежнему на незнакомом мне языке, двое из них опустили на корточки перед моим отцом и подняли его на ноги.

— Торстейн,— сказал отец.— Не смотри.

До сих пор я не видел того, кто говорил с отцом. Но теперь мне приставили к горлу нож, а один из чужаков вышел вперед. Это был высокий мужчина, облаченный в кольчугу, запятнанную кровью. Не вымолвив ни слова, он вытащил из ножен длинный изогнутый нож и вогнал отцу в живот.

Отец не издал ни звука, пока ему вспарывали живот. Только ноги задержались. Потом его отпустили, он рухнул и замер, найдя меня взглядом. Из глаз потекли слезы. Никогда раньше я не видел его слез.

— Сжечь, — велел человек в кольчуге.

Один из рабов зашел в наш дом. Я слышал, как он ворошил в очаге рдеющие угли, мы всегда засыпали их песком, чтобы они не гасли до вечера. Рабы вздернули отца на ноги, он хотел что-то мне сказать, но тут человек в кольчуге запустил руку в рану на животе. Отец застонал от боли, задыхаясь. Воин вытащил что-то, что походило на окровавленный шнур. Мгновение он смотрел на него, а затем пригвоздил ножом к стене.

— Пошел! — рявкнул он. — Пошел!

Отец сделал шаг, остановился, перевел дыхание. Затем шагнул еще раз, отвернувшись от меня, согнулся, и его вырвало. Но воин в кольчуге вновь крикнул, чтобы отец не останавливался, и тогда отец выпрямился и пошел, будто и не чувствовал, что у него из раны вываливаются кишки. Но вот ему под ноги вывалился целый клубок внутренностей, и он упал на одно колено. Вновь перевел взгляд на меня, повалился на бок и затих.

Рабы оттащили его к стене дома. От моего горла убрали нож, и я тут же бросился к отцу, но рабы схватили меня за руки и потащили за собой.

Помню, я обернулся, когда они волокли меня по скалам, и увидел, как над торфяной крышей взметнулись языки пламени. Потом мы углубились в лес. У ручья мы остановились, мне велели напиться, но я отказался.

Меня вели через поля, к хутору. Длинный дом был объят пламенем, вокруг лежали тела мертвых хуторян,

а самого бонда повесили на старом дереве во дворе усадьбы, на том, которое должно было хранить семью от бед. Двух его дочек я не видел, а третья, Хильда, сидела на земле, со связанными, как и у меня, руками. Платье у нее было разорвано до самого пояса.

Меня повели в кузню и надели на шею рабский ошейник. Раб с полосами на теле вбил в отверстие для замка раскаленный гвоздь и согнул его щипцами. Помню, как я боялся пошевелиться, чтобы не обжечься о гвоздь. И вот я стоял, привязанный веревкой за рабский ошейник, а Хильду, как меня до этого, заставили встать на колени. В тот день она тоже стала рабыней.

Вечером меня приковали к скамье на корабле. Я и раньше видел большие корабли, а отец часто посылал меня с весточкой на хутор, когда во фьорде появлялся парус. Тогда я стоял на берегу в толпе других детей, дрожа от возбуждения, пока на берег сгружали бочки и шкуры, а торговец с серебряным браслетом на руке стоял у форштевня и расхваливал нам привезенные товары: драгоценный шелк, вино, стеклянные бусы и дамасскую сталь. Иногда он выводил и рабов с запада: мужчин, женщин и детей в рабских ошейниках, а на спинах у них видны были следы кнута и каленого железа.

Теперь я сам был одним из них. Когда меня приковывали к скамье, я взглянул вверх, на мачту, и увидел, что из дерева торчат три сломанные стрелы. Тогда я подумал, что это не обычный корабль, он участвовал в военных походах. Таких я никогда не видел, но мой брат и сыновья бонда рассказывали о них. Раньше я думал, что эти корабли такие большие, что могут легко переломить пополам обычные суда, но этот оказался

таким узким, что гребцам приходилось сидеть на поперечных скамьях вместо сундуков, как на кораблях побольше, и осадка у этого была глубокая. Воины с боевыми топорами за поясом принялись загружать на корабль добычу с хутора, а у мачты сидел лысый человек, облаченный в стихарь и рясу, и пристально смотрел на меня. На шее у него болтался небольшой деревянный крест, и я понял, что это монах. К бонду как-то приходил такой, и он даже согласился, чтобы тот макнул его в ручей, но отец, услышав об этом, только головой покачал.

На корабле было еще шесть рабов, все подростки. Меня приковали к цепи, которая соединяла ошейники; к каждому ошейнику было припаяно кольцо, в него продевалась общая цепь, так что никто из нас не мог свободно двигаться — цепь тянула за собой других. Вот на борт загнали Хильду. Ее посадили между мешками и сундуками, пока воины готовили корабль к отплытию.

Помню, я подумал: должно быть, этот корабль причалил к берегу под покровом темноты. Ведь иначе отец бы его увидел. В сумерках эти люди прокрались в усадьбу, мимо загона для коней и соколятни Лота, на сталь топоров и шлемы пала утренняя роса, затем они рассредоточились между строениями. А потом, словно хищники, ворвались в дома и стали убивать. Должно быть, они не встретили особого сопротивления и управились быстро, ведь на равнине вокруг усадьбы звуки разносятся далеко. Мы бы слышали звон мечей и громкие крики.

И вот на борт поднялся воин в кольчуге. В то время он был молод. Высокий, широкоплечий, он был бы

ладным молодцем, если бы не удивительно маленькие свинячьи глазки. Стоя на носу корабля, он оглядел рабов, мешки с зерном и остальную добычу. С довольным видом кивнул сам себе. Вот к нему подошел монах и поднес свой крест к его лбу.

— Да благословит тебя Христос,— сказал он.— И твой меч.

В тот же вечер мы отплыли в открытое море. В ту пору мне было двенадцать лет.